

НОВОЛЕТИ МИР

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ И ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ

Издается с января 1925 г.

№ 1 (1065)

Январь, 2014 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ЕВГЕНИЙ РЕЙН — Сталь Авраама , стихи	3
ОЛЕГ ЕРМАКОВ — Вокруг света . Походная книга	11
ЕЛЕНА ГЕНЕРОЗОВА — Вне земных чудес , стихи	68
МАРИАННА ИОНОВА — Песня , повесть	72
ДМИТРИЙ БЫКОВ — Из этой породы , стихи	108
ИЛЬЯ ОДЕГОВ — Культя , рассказы	113
МАРИЯ ВАТУТИНА — Счастье есть , стихи	121
ИГОРЬ ВИШНЕВЕЦКИЙ — Незабытый поэт . Дополнение к «Ленинграду»	125
СТАНИСЛАВ МИНАКОВ — Сквозь облак памяти земной , стихи	137

ИЗ НАСЛЕДИЯ

АЛЕКСАНДР ГЛАДКОВ — Дневник . Публикация, подготовка текста, вступительная статья и комментарии Михаила Михеева	142
---	-----

ОПЫТЫ

ОЛЕГ КУДРИН — Довлатов как культ	162
СЕРГЕЙ БОРОВИКОВ — В русском жанре — 47	175

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

ЕВГЕНИЙ ДОБРЕНКО — Что ни век, то век железный...	182
--	-----

РЕЦЕНЗИИ. ОБЗОРЫ

Александр Чанцев. Звезда по имени Отверстие Вселенной (Александр Григоренко. Ильгет. Три имени судьбы)	189
--	-----

СОДЕРЖАНИЕ (окончание)

Андрей Пермяков. Частный случай опрокинутого мира (Алексей Колчев. Несовершенный вид; Алексей Колчев. Частный случай)	192
Ольга Балла. После утопии: антропология жертвы (Светлана Алексиевич. Время секунд хэнд)	197
Андрей Турков. «Эта книга о любви...» (Валерий Золотухин. Таганский домовой)	202
Светлана Красовская. Побег из школы (Александр Генис. Уроки чтения. Камасутра книжника)	204

КИНООБОЗРЕНИЕ НАТАЛЬИ СИРИВЛИ	206
ДЕТСКОЕ ЧТЕНИЕ С ПАВЛОМ КРЮЧКОВЫМ	211

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ЛИСТКИ

Книги (составитель Сергей Костырко)	214
Периодика (составители Андрей Василевский, Павел Крючков)	219
SUMMARY	240

ИЗ НАСЛЕДИЯ

АЛЕКСАНДР ГЛАДКОВ

ДНЕВНИК

Оттепель на стадии подмораживания

9 марта 1966. Непонятное, темно-серое время. Все в противоречиях. Ничего нельзя, и все можно.

24 июня 1963. Все время думаю об одном: надо постепенно, неотрывно, исподволь все время писать что-то большое. Иначе жизнь не имеет цены, балласта осмысленного труда.

При беглом взгляде советский драматург Александр Константинович Гладков (1912 — 1976) производит впечатление человека весьма поверхностного и может быть причислен к авторам литературы популярной, несерьезной. Кажется, ну что за важность: сочинил когда-то, еще перед войной (1940), пьесу «Давным-давно» (с самоназванием — «героическая комедия», которая по сути — просто *фарс* в стихах)¹. По ней кинорежиссер Эльдар Рязанов в 1962 году снял один из своих «брэндов», фильм «Гусарская баллада»² с главным героем *поручиком Ржевским*, вышедшим затем в «тираж», получив окончательное закрепление в русской культуре — через множество похабных анекдотов, в наиболее опошленном своем амплуа грубого солдафона и бабника или даже полного идиота. (Оставим здесь за скобками вопрос собственно соотvetствия *Ржевского*, героя пьесы, — во-первых, герою рязановского фильма, сыгранному Юрием Яковлевым, а во-вторых, «прототипу» анекдотических текстов...)

В лучшем случае, про Гладкова было известно, что по его сценариям в 1960 — 1970-е годы было поставлено много спектаклей и снято какое-то число фильмов — «задуманных как мелодрамы в высоком смысле этого слова»! Так, в частности, сказано в газетной заметке о съемках фильма по его сценарию, «Зеленая карета»³ — да, наверно, это же определение применимо вообще к

Публикация, подготовка текста, вступительная статья и комментарии *МИХАИЛА МИХЕЕВА*.

¹ Ср. со словами Юрия Олеши, сказанными Гладкову в ресторане ЦДЛ (в пьяном виде) 29 января 1957 года: «Ты написал гениальный фарс „Давным-давно“. Это гениальный фарс. Это лучшая русская историческая пьеса. Фарс о 12-м годе. Это ведь надо осмелиться...» (Гладков Александр. «Я не признаю историю без подробностей...» (Из дневниковых записей 1945 — 1973). Предисловие и публикация Сергея Шумихина. — В кн.: «In memoriam». Исторический сборник памяти А. И. Добкина. СПб. — Париж. «Феникс-Atheneum», 2000, стр. 536).

² К тому же, если верить его мемуарам — практически без помощи автора пьесы — он переделал ее в сценарий. (См.: Рязанов Эльдар. Ностальгия. Стихи и новеллы. Нижний Новгород, 1997, стр. 187 — 207.) «Скорее всего за этой загадочной историей кроется трагедия, каких случалось немало в наше жестокое время. Думаю, и, конечно, бездоказательно, что Гладков получил эту пьесу в тюрьме от человека, который никогда не вышел на свободу» (там же, стр. 205).

³ Под заглавием «Заглянем в сценарный портфель „Ленфильма“» заметка опубликована в ленинградской «Кино-неделе» (4 декабря 1964 года). На это Гладков в дневнике откликнулся 5 декабря 1964 года: «Почему он назван „мелодрамой“ — неизвестно».

любой его пьесе или сценарию. В некотором смысле они выглядели как «ширпотреб». И сам Гладков как будто прекрасно отдавал себе в этом отчет. Пьесы игрались на театре, звучали по радио (например, «Давным-давно» — 8 августа 1941 года), ставились на телевидении и снимались в кино. Вот в качестве автора этих легкомысленных мелодрам он и остался известен своим современникам. Здесь его спасал юмор. Хотя в «худшем случае», наверное, можно и упрекнуть его — как делают некоторые современные биографы, — в пособничестве советскому «режиму»⁴. Но кто же из творческих людей того времени с этим «режимом» не сотрудничал? Разве что диссиденты. К последним Гладков очевидно не принадлежал, хотя общался со многими из них и безусловно старался обо всем, творящемся вокруг, знать. Борцом с коммунистическим режимом он никогда не был, зато стал его внимательным описателем и хроникером...

Была и другая ипостась у этого незаурядного человека, сделавшая его известным уже не современникам, а потомкам. Это — талант мемуариста. Он написал удивительно тонкие по запечатленным деталям и по точности анализа *воспоминания*: во-первых, о своем учителе Мейерхольде⁵, у которого работал в театре (1934 — 1937), и во-вторых, о Пастернаке, с которым познакомился и сблизился во время войны, в эвакуации в Чистополе⁶, а также еще о примерно десятке своих современников⁷. Правда, эта сторона его таланта не была оценена при жизни, и его воспоминания не были так широко известны, как спектакли и фильмы. Лишь сравнительно небольшой круг ценителей, близких друзей и знакомых были осведомлены об этой сфере его деятельности. Мемуарные тексты Гладкова распространялись в основном рукописно, через тогдашний «полулегальный» самиздат, а информация о них ходила по так называемому «сарафанному» радио.

Тем не менее была и еще одна — уже третья и, на мой взгляд, как раз основная — сфера его деятельности, которая остается вплоть до сих пор в значительной степени в тени, будучи почти никому не известной⁸: Гладков — автор уникального по объему, плотности, охвату событий и продолжительности дневника, каковой он вел в течение почти полувека: с 1928 года (когда ему еще только 16 лет) и до смерти, в 1976-м. В полном объеме дневник остается неизданным. При этом сам его текст (особенно поздний, за последние два десятка лет) никак нельзя отнести к «наивным» дневникам, куда заносят все подряд, всякий дневной сор и вздор — что только человек ни наблюдает, что ни узнает у знакомых, что ни видит на улице, что ни вычитывает из газет...⁹

Скорее уж, этот труд Гладкова можно сравнить с работой пушкинского летописца *Пимена*, но только не «равнодушно» внимающего *добру и злу*, а скрупулезно заносящего на свои скрижали все наиболее значительное из событий

⁴ Матышев А. А. Энциклопедия репрессированных авторов. 1917 — 1987. Т. 2. СПб., 2012, стр. 524 — 528.

⁵ Гладков А. К. Пять лет с Мейерхольдом. — В кн.: Гладков А. К. Театр. Воспоминания и размышления. М., «Искусство», 1980, стр. 82 — 327.

⁶ «Встречи с Пастернаком», опубликованные первоначально на Западе (Гладков Александр. «Встречи с Пастернаком». Париж, «YMCA-PRESS», май 1973 г., в сокращенном виде под заглавием «Зима в Чистополе»), на родине вышли уже только после смерти Гладкова («Литературное обозрение», 1978, № 4); полностью — в 1990 году.

⁷ Отрывки из дневников Гладкова, касающиеся Маяковского, Немировича-Данченко, А. Белого, первоначально публиковались в «Вопросах литературы» (1976, № 9), но помимо них им были написаны воспоминания о Константине Паустовском, Илье Эренбурге, Алисе Коонен и др. Изданы после смерти автора. Последней работой, которую автору удалось увидеть напечатанной еще при жизни, стала статья о Юрии Олеше «Слова, слова, слова...». — В кн.: «Воспоминания о Юрии Олеше». М., «Советский писатель», 1975.

⁸ Хотя уже были вполне авторитетные публикации, приоткрывающие эту сторону его дарования. Например, начатое более десятилетия назад дело публикации его дневников с предисловием и примечаниями С. В. Шумихина. (Гладков А. К. Попутные записи. Фрагменты. — «Новый мир», 2006, № 11); уже цитированный сборник: «In memoriam» (2000), публикации в журнале «Наше наследие» № 106 — 107 (дневники 1936 — 1937 гг.)

⁹ С примерами подобных дневников можно познакомиться в моей книге: Михеев Михаил. Дневник как эго-текст (Россия, XIX — XX). М., «Водолей», 2007; на сайте: Universitas personarum <<http://www.srcr.msu.su/uni-persona/site/research/miheev/kniga.htm>>.

века (точнее, полувека), в котором довелось ему жить. Основная при этом заслуга, конечно, в простом отборе информации для дневника: в нем никакого *равнодушия* быть не может. Кроме главных объектов своего «мемориального» поклонения (Мейерхольда с Пастернаком) Гладков был знаком со множеством интереснейших людей своего времени, массу всего читал, всегда активно добывал информацию — подчас труднодоступную, черпая ее прежде всего из непосредственного общения и из литературы запретной и полузапретной, самиздата¹⁰, самостоятельно перерабатывая ее, смело строил предположения, постоянно отслеживал возможное развитие событий и сверял свои предположения с действительностью. Но также, не довольствуясь позицией беспристрастного летописца-хроникера, еще и «судил и рядил», бросаясь в гущу полемики с собеседниками (собеседниками своего дневника, а не мемуара! об этом парадоксальном нарушении «завета» Пимена будет еще сказано).

Весь свод ставшего ему известным и сам отбор достойного для описания, важного современникам и потомкам, а также анализ событий в его дневнике очень обстоятелен, содержателен, тонок и остр, оставаясь на удивление злободневным даже и в наше время. К середине 60-х годов, так сказать, к концу «хрущевской оттепели», вместе со своим автором (Гладков в 1962 году перевалило за 50 лет) и его дневник достигает своего *акмэ*, то есть времени наивысшей зрелости: каждый из годов-томов составлял теперь примерно 200 страниц убористого текста, напечатанного через один интервал на машинке «Эрика», практически без полей и отступов внизу листа. Как указывает публикатор фрагментов дневника Сергей Шумихин, дневник Гладкова с 1954 года делается *синхронным*¹¹, то есть сразу печатается на машинке. Конечно, самые ранние формы этого дневника совсем иные: скажем, в 1929 году (когда автору всего лишь 17 лет) дневник состоял из одной-двух коротких записей за день — потом, правда, перепечатанных и подклеенных к листу.

Сама *расшифровка* дневника — это процесс не такой уж простой: по-видимому, подобный тому, что делает стенографистка, когда потом, уже не «на коленке», а за письменным столом переносит свои записи в беловик. Ранее он иногда затягивался у Гладкова на многие годы. Да и позднее он явно, что называется, «ловит кайф», обращаясь к своим прежним записям, всякий раз чуть-чуть их видоизменяя, подправляя и дополняя... В этом, наверно, и грешно было бы его упрекать, это естественная потребность всякой творческой натуры... Невозможно требовать от такого человека относиться к своим текстам как к отчужденным от себя «документам». Но в последние годы подобная корректировка стала уже минимальной.

Энциклопедия нашего времени называет Гладкова *драматургом, мемуаристом, книгоцелем* — именно в такой последовательности. В самом деле, более всего значимым в его жизни было именно последнее: он страстно любил читать (кстати, и пострадал от этого, в первый раз — едва не оказавшись в тюрьме в 1940 году за вынос книг из Ленинской библиотеки¹²; а второй — в 1948 — 1954-м — уже по 58-й статье, за «хранение антисоветской литературы»). Следующей по значимости в его жизни страстью безусловно был театр: счастливая случайность свела его в молодости с В. Э. Мейерхольдом, при котором (по поручению которого) он в течение нескольких лет «выполнял функцию летописца»¹³.

¹⁰ Можно застать в его дневнике 60-х как раз ту стадию, когда форма этого слова еще не устоялась (оно долгое время пишется им и как *самиздат*).

¹¹ In memoriam, стр. 525: «...начинает вести дневник сразу на машинке».

¹² Матышев А. А. Т. II, стр. 524 — 528. Во всяком случае, факт обращения директора Российской государственной библиотеки по поводу этого инцидента (кражи книг) к прокурору Киевского района г. Москвы фиксирован 3 апреля 1939 года; запись хранится в Архиве РГБ (дело № А-13/32 оп. 105 е.х. 16, 20). Благодарю за помощь в установлении этого заведующую архивом Марию Васильевну Волкову и сотрудницу отдела общественных связей Ольгу Михайловну Немцову. Однако был ли осужден за это Гладков, или срок был заменен на условный, неизвестно.

¹³ Там же, стр. 524 — 528.

Видимо, из этой его обязанности и развились в дальнейшем его талант и вкус к ведению дневника, — уже как профессионального *дневниковода*... Вот об этой-то, третьей страсти, или стороне его деятельности, практически неизвестной современникам и мало известной потомкам, и хочется рассказать.

Далее я буду называть Гладкова для краткости его инициалами: АКГ, как делала его близкая знакомая — Цецилия Кин, друг последних лет жизни, с которой, как он сам говорил, у него был «роман отношений»¹⁴. Вот в ее пере-сказе важный принцип Гладкова: «Дело не в том, чтобы прославиться или разбогатеть, а в том, чтобы что-то сделать вровень своим силам». И еще одно: она же очень точно, по-моему, назвала АКГ *протоколистом своего времени*.

«Франклиновская таблица» или «многослойный» роман?

Что удивляет в дневнике, так это интерес к совершенно разным, казалось бы, сторонам жизни и сама фиксация их у АКГ иногда в одном и том же перечислении, в рамках одного и того же абзаца. Автора можно было бы, наверно, назвать энциклопедистом эпохи, а не просто литератором, интересы которого замыкаются традиционно одной литературой. АКГ увлечен и разбирается буквально во всем: и в интересных книгах, и в женщинах, и в умных собеседниках, и во вкусной еде (вот только выпивкой увлечен в гораздо меньшей степени и частенько порицает себя за подобные занятия). Знаком ему и спортивный азарт (но все-таки более как зрителю — он смотрит телевизор, ходит на стадион, слушает репортажи по радио: футбол, хоккей, следит за соревнованиями по шахматам), живо волнуют его достижения науки, обустройство собственного жилища (и садового участка, дачи в Загорянке), бытовые удобства, хитросплетения судеб своих знакомых — он пытается вникнуть даже в сообщаемые ими откровенные сплетни (но стараясь при этом оценивать ситуацию с разных сторон), тайны политики (хотя в основном, конечно, приходится описывать разного рода ее мерзости), пристально следит за заявлениями правительств, действиями оппозиции, диссидентов и постоянно сопоставляет официальные каналы информации с западными «голосами» и самиздатом¹⁵.

Ну, и конечно, в дневнике — постоянные оценки как своих, так и чужих произведений, удачных или не слишком, а то и откровенно провальных, с подведением своего рода «гамбургского счета» и выставлением рейтинга — как для книг, спектаклей, фильмов, песен, стихов, так и просто для чьих-то устных высказываний, мнений, да и самих поступков человека, с прогнозом на будущее всей «политической» ситуации и отношений с кем-то лично (женщинами, друзьями, коллегами по работе)...

Интересно, что глубокое противоречие его жизни и чуть ли не главный вопрос, постоянно поднимающийся и так или иначе решаемый в дневнике, — это его одиночество: автор живет долгие годы в разводе со своей первой женой (и так до своей смерти и не женился на «второй», Эмме Поповой):

26 нояб. 1971. <...> Последние дни (и ночью в бессоннице) много думаю о себе. Жизнь моя очень опустошена и, как я ни люблю одиночество, иногда оно мне в тягость, хотя знаю, заполнив ее (допустим), я сразу начну по нему томиться.

Еще одна характерная жанровая деталь дневника — постоянный отчет перед самим собой, перед своим вторым «я», со спохватываниями: а не забыл

¹⁴ «Я стала называть его АКГ, и это ему, кажется, нравилось». Кин Цецилия Исаковна. «О дорогом АКГ». — В кн.: Г л а д к о в А. К. Мейерхольд. М., СТД, 1990, т. 1, стр. 5.

¹⁵ По радиоприемнику, оставленному в Загорянке или Москве, он явственно тоскует, подолгу живя — во время съемок очередного фильма по его сценарию — в Ленинграде: «29 нояб. 1964. <...> Иногда скучаю по своей „Риге 10“. С ней я знал все, что происходит в мире».

ли я еще чего-то важного из произошедшего за этот день? Автор будто раздваивается, во-первых, на свидетеля (или даже самого *участника*) событий, источник информации, а во-вторых, на писаря-регистратора, *учетчика*, интервьюера, наблюдателя за первым, за самим собой действующим и поступающим (Андрей Платонов это второе «я» назвал «сторожем ума» в романе «Чевенгур»).

Вот как АКГ перебирает в уме, что могло быть забыто:

28 янв. 1965. Ничего не записывал с того дня, как уехал из Комарова. Живу неудобно, совсем не бываю один в комнате и все прочее. Все это время ночевал на Кузнецком¹⁶ и лишь иногда у Левы на Мойке. <...>

Что еще? Умер Черчилль.

Иногда мы видим нечто вроде усеченной, только второй, то есть «учетной», или «правой» (где самопоправки) части дневника, без «левой», где составлялся первоначальный план — на день-неделю-месяц. Во второй производится сверка с реально осуществленным. Иначе это называлось «Франклиновским» журналом или таблицей (применительно к Льву Толстому такую форму дневника подробно описала Ирина Паперно): «Начиная с 1850 года временной каркас „Журнала ежедневных занятий” и моральная отчетность „Франклиновского журнала” совмещались в рамках одного повествования. Каждая дневниковая запись отсылала к записи, сделанной накануне, которая завершалась подробным расписанием на следующий день (под завтрашней датой). Следующим вечером Толстой обзирал совершенное в течение дня и соотносил потраченное время с составленным накануне планом. Он также обзирал свои поступки, оценивая их по шкале нравственных ценностей. Запись заканчивалась планом действий и расписанием на следующий день»¹⁷.

Несколько деформированная — в сторону явного упрощения относительно этой уж слишком «бухгалтерской» книги — «франклиновской» таблицы, да, наверно, и попросту более естественная, традиционная функция дневника — всем знакомое календарное подведение итогов за какой-то период, отчет перед самим собой в какой-то проделанной работе (но в принципе, может быть, и перед человечеством в целом):

18 сент. 1971. <...> как-то всего ломит, да и настроение неважно.

Зато поднатужился и кончил «Похвалу анекдоту» (мемуарный мини-очерк) о К. Г. Паустовском. Сгоряча нравится, а что буду думать завтра — не знаю.

Это 6-й литературный портрет, написанный мною (В. Кин, А. Платонов, Б. Пастернак, Ю. Олеша, И. Эренбург и К. Паустовский). Другой бы на моем месте уже совался в издательство с книжкой, ведь это вместе 15 листов. Два портрета (Пастернак и Олеша) имеют хождение в Самиздате. Два напечатаны в «Новом мире». Два еще имеют шансы быть напечатанными.

Встречается, конечно, и одна только первая, так сказать, «левая» часть — то есть составление плана, списка дел на ближайшие дни, недели, месяцы, годы... А в конце дня (месяца, года...) — отчет себе самому в том, чем же занят был этот период:

10 авг. 1969. <...> Утром у меня чинят забор и убирают сушняк в саду. Потом на кооперативном собрании.

(По форме это можно воспринять и как план на предстоящий день, но на самом деле здесь именно отчет о дне прошедшем.)

¹⁶ В квартире Эммы Поповой в Ленинграде.

¹⁷ Паперно Ирина. «Если бы можно было рассказать себя...». Дневники Л. Н. Толстого. — «Новое литературное обозрение», 2003, № 61, стр. 298.

Само собой разумеется, что здесь перед нами необходимые составляющие почти каждого дневника, с одной стороны — прогноз (с элементами гадания, загадывания вперед), а с другой — архив или каталог: фиксация того, что из этого реально произошло, а что все-таки осталось неосуществленным (и укоры самому себе). Впрочем, большинство записей АКГ отсылают не к будущему, а к прошлому (то есть сделаны не с тем, чтобы можно было потом свериться с намеченным, с тем, что еще должно произойти, а с целью «удержать мгновенье», чтобы случившееся просто не забылось, не вытеснилось чем-то еще в жизненной текучке...

Различие между писанием воспоминаний и ведением дневника хорошо выразил Алексей Кондратович в предисловии к своему «Новомирскому дневнику», жалея, что не начал вести его еще раньше, до 1967 года:

«Уже делая записи, я заметил одну закономерность: если не запишешь в тот же день, то на следующий уже что-то забыл. Вроде бы мелкое, несущественное, главное-то, конечно, помнишь. А через два-три дня пропуска многое начинает округляться, расплываться в своих контурах, меньше деталей, зубурин в очертаниях. <...> То, что сейчас представляется главным, через какое-то время оказывается сущей незначительностью... Мелочь может стать и символом.

В моих записях много того, что говорил Твардовский. В речи его как раз было много того неуловимо интонационного, что мне так и не удавалось схватить памятью. Иногда, когда я записывал тотчас же, что-то еще сохранялось — словечки, обороты и прочее...

Тем важнее подневность записей, неотход от событий, факта, сиюминутность запечатления... Я заметил, что уже через неделю — всего лишь через неделю! — я описывал разговор и не передавал его своеобразия. Живая речь в памяти мертвеет, вянет так же быстро, как скошенная трава»¹⁸.

«Беда» такого отсроченной записывания заключается именно в символизации тех деталей и мелочей, которые выходят на передний план, становясь подтверждением выдвигавшегося ранее предположения, гипотезы, угадки, — поскольку они забывают и размывают те предположения, которые имели раньше с ним равный статус, но сейчас, не получая подтверждения от реальности, стираются из памяти.

Можно даже считать, что дневник был задуман как некий выход из тупика или как обман себя — попыткой такого выхода? В нем автор так и этак раздумывает, как же разрешить «основную» проблему (подставляя себя в качестве собеседника). Решение здесь, так и не достигнутое в течение всей жизни автора (или недостижимое), — это как бы суперзадача дневника. Ради него автор постоянно расставляет вехи в дневнике — «обновляя» старые памятные даты (день рождения и смерти своей матери, день ареста брата и т. п.), а некоторые из них очевидно «стирая», утрачивая, заменяя новыми или как-то видоизменяя.

Иногда к нам из дневника доносится как будто крик души. И вообще, постоянный для АКГ мотив, который можно сформулировать так: ну как же теперь тебе быть, *Подколесину?* Этот мотив так же, впрочем, постоянен, как и «декамероновский» сюжет, то есть перечисление собственных авантур (иногда с чужими женами, а подчас даже с участием их мужей)... Ну и, конечно, еще — передача слухов (домыслов, сплетен) о том, кто, где, что и т. д. Помимо того, конечно, укоры самому себе (*змеи сердечной угрызенья*), чтение нотаций своим друзьям (или сетования, что они не слушают его советов), перебирание своих собственных обид, обид своих друзей:

6 авг. 71. <...> И вот я опять раздрыган душевно: покойней быть совсем навсегда одному...

¹⁸ Кондратович Алексей. Новомирский дневник. 1967 — 1970. М., «Собрание», 2011, стр. 23 — 24.

Подведение итогов. Некролог — или «гамбургский» счет

Еще есть у дневника функция неофициального некролога, то есть не предназначенного для произнесения, но только для прочтения (причем, скорее всего, именно персонального: самим автором и более никем), — некролога, который весьма далеко отстоит от традиционно-апологетического:

16 нояб. 1967. Умер В. В. Шкваркин¹⁹. Он уже более 20 лет назад совсем спился, а потом почти сошел с ума и давно никуда не показывался. Однажды в 40-х годах я тащил [его] совершенно пьяного домой в Пименовский переулок. Его хвалили и бранили не в меру. Он был хороший драматург-ремесленник, знавший вкусы зрителя, но не художник. Но не подлец и не выжига и не рвач, а это уже много.

О самих похоронах этого человека (прошедших, кстати сказать, «по третьему разряду») написано так:

26 авг. 71. <...> как ни плохо у нас оборудована жизнь, смерть оборудована еще хуже. Все как-то мизерно и мизерабельно.

Тут можно было бы, конечно, привести печально известные примеры кощунственно-издевательски зубоскалящих мемуаров, «перемывающих косточки» покойнику. Но в случае АКГ перед нами просто другой жанр: не некролог, но и не антинекролог. Это своего рода дополнение к тому, что обычно произносится на похоронах или публикуется в газете, — искренне-личное подведение итога жизни, воздающее, по мнению автора, действительно по заслугам человеку, некролог, не только говорящий о достоинствах и достижениях умершего, но и вполне откровенно судящий его недостатки и все действительно плохое, что он совершил, иногда с неофициальными подробностями похорон, поминок (как в случае описания похорон К. Г. Паустовского, где отмечены присутствие *искусствоведов в штатском*, то есть сотрудников КГБ, и претящая автору «официальность»):

19 июля 1968. <...> Хотя К. Г. заступался за Синявского и Даниэля и подписывал разные письма-протесты, за что был в некоторой опале, видимо главари ССП решили присвоить его наследство и пришли на траурный митинг прославлять его <...>.

Ну, или какие-то почти анекдоты, случавшиеся при произнесении речей официально назначенными лицами (классический случай — с путаницей в имени-отчестве покойника). Интересна реакция АКГ на известие о смерти Ильи Сельвинского (26 марта 1968 года), с которым автор, как он пишет, был знаком, но — *встреч избегал...* В подобных случаях прорывается сугубо личное, связанное с умершим, рисуемое не принятый положительный шаблон, а часто весьма критические по отношению к нему детали. И в то же время помимо «ложки дегтя» в официальном похоронном славословие АКГ часто вливает и простые человеческие слова — особенно когда чувствует, что автор забыт незаслуженно, обойден официально печатным признанием, как в случае Алексея Крученых (хотя и тут не может не выложить что-то связанное с ним отрицательное):

20 июля 1968. <...> А физически он был всегда неприятен, словно грязен: потные руки.

¹⁹ Василий Васильевич Шкваркин (1894 — 1967) — русский советский драматург: как характеризует его Вольфганг Казак, «автор легкой комедии. <...> Качественно пьесы Шкваркина очень неравноценны; их объединяет добродушная насмешка над обывателями и безупречность человеческой позиции автора» (Казак Вольфганг. Лексикон русской литературы XX века. М., Культура, 1996, стр. 473).

Но важно при этом, конечно, и то, кто не удостаивается некролога:

25 фев. 1970. <...> В конце дня в ЦДЛ вешают объявление о смерти Корнелия Зелинского. [Больше о нем не говорится.]

Такой дневник — параллельное подведение итогового «гамбургского» счета — в литературе, театре и кино, отслеживание *рейтингов* разных лиц, подвизающихся на всех этих аренах (в том числе и на спортивной, и на донжуанской).

Гладкову как никому важен акт персональной коммеморации, то есть сохранения в памяти всякого уникального события. Так, например, после известия о смерти Михаила Светлова он пишет (после строки отточий):

4 окт. 1964. <...> Стихи Светлова читает Нина Никитина, в которую он был влюблен. Но кто знает об этом кроме нее самой и меня? Ей было посвящено не одно его стихотворение и несколько экспромтов-шуток.

Видимо, это реакция на то, что АКГ слушает по радио. Он сознает, что кроме него, возможно, больше во всем мире этого уже никто не сможет зафиксировать. Но уж если кусочек воспоминания «зацепляется» за что-то в памяти, то следует попытаться вытащить за него и все целое:

6 дек. 1968. День Ал-ра Невского. Мои «именины», как говорили на православной Руси. В детстве, едва проснувшись, я начинал шарить рукой под подушкой: там уже лежали подарки от мамы. <...> [и дальше целая страница, посвященная этому детскому воспоминанию].

Ну и, наконец, дневник для АКГ — это место активной фиксации вкусовых впечатлений, мнений, субъективных пристрастий (он очень далек от беспристрастности). Так, например, он оценивает большинство произведений, да и само творчество Василия Аксенова — как *пижонство* (причисляя его, возможно неверно, к новомодному тогда направлению западного «нового романа»). Андрея Вознесенского считает «пустоватым» и даже видит в нем «честолюбца» и «временщика». Активное неприятие вызывает у него и критик Лакшин — «карьерист в лагере прогрессистов». Несимпатичны почему-то оказываются ему такие вполне вполне почитаемые сегодня персоны российской культуры, как Александр Галич, Станислав Рассадин... Но очень интересны и как бы «объемны» получаются фигуры, написанные не одной, как принято, — светлой или темной — краской, а сразу обеими, предстающие поэтому многомерными: Эренбург, Олеша, Евтушенко... Да и сами близкие АКГ в 60-е годы, друзья — публицист и критик Лев Левицкий и писатель Юрий Трифонов — оказываются совсем не «белыми и пушистыми», а с серьезными изъянами (зато уж те, с кем он давно раздружился — Шток, Арбузов, Плучек... — к ним возвращение просто невозможно). И в то же время стойкая, казалось бы, первоначальная антипатия к творчеству писателя Фазиля Искандера вполне может в один миг перемениться (то же, пожалуй, касается и Аксенова). В этом можно, конечно, видеть непоследовательность дневника, но такая непоследовательность для него типична:

8 апр. 71: <...> Встретил днем известного писателя Ф. Искандера с авоськой полной картошки и овощей, идущим с рынка. Это сразу сделало его мне симпатичным. Терпеть не могу важничавших ничтожеств из нашей среды, гнушающихся делать такие покупки.

Дневник — в отличие от летописи — по идее, и может, и должен быть субъективен. Но у АКГ эта субъективность особого рода. Она кажется многим его читателям и собеседникам (особенно собеседницам) даже важнее объективности

(Дар и Панова, Кин...). Вот что пишет ему Н. Я. Мандельштам в 1963 году, беспокоясь о его нелегкой семейной жизни²⁰:

30 мая [1963]. <...> Как Эмма? Надеюсь, у вас ничего не произошло. Переезд мужа или любовника в гостиницу раньше означал разрыв, и я испугалась.

Пишите. Я представляю себе, что происходит на свете, только по вашим письмам. Остальное все чересчур субъективно.

Н. М.²¹

Видимо, АКГ обладал даром объективного изложения событий, раз многие его собеседники сходятся в этом.

Сколько-нибудь важная информация как бы постоянно «вбрасывается» дневниководом на поле сознания, как на некий разделочный стол, чтобы можно было держать ее в поле зрения, среди прочих ингредиентов, во всех дальнейших перипетиях. При этом часто даже не совсем понятно, что же из данной конкретной новости-сообщения может «прорасти»: оно вполне может остаться тупиковым. Ведь само «блюдо» из этих ингредиентов все-таки готовит уже не автор, он здесь — только что-то вроде грузчика, такелажника: подай-поставь-принеси. Зато принес ли он вовремя и положил ли все необходимое на «стол» — от этого вкус приготавливаемого «пирога» очень даже зависит (у АКГ его «пирог» получился вкусен).

7 июля 1969. Жаркий день. В тени 24 градуса. Сажу на даче.

Читал 7-й том Кони. Он конечно всегда был в восторге от собственной персоны, да, надо признать, было чем любоваться. Какая ясность правил жизни, сколько выдержки и того самоуважения, которое отражение уважения других. <...>

И еще — весь день ждал.

Это рецидив мальчишества, или опыт, который я ставлю, чтобы убедиться, что оно еще есть во мне.

А зачем мне сие, если по правде? [Далее — строка отточий.]

Дождался.

Можно считать, что чтение воспоминаний Кони из начала этой записи и краткая фиксация (очевидно, очередного амурного) приключения в ее конце совершенно не связаны друг с другом. Но можно также воспринять первое как возражение себе самому, голос альтер-эго, или совести, вопиющий против растраты себя на подобные низменные похождения.

«Профессиональное» и общее.

Драматургия, или «Контрапункт» дневника

Мемуары — позднее сочинение, реставрация прошлого. Записи — подневная кладка неизвестного сооружения, затеси на растущем дереве.

А. И. Кондратович

Дневник АКГ дает нам примеры множества вполне профессиональных оценок — в тех разнообразных областях, в которых автор является специалистом или *мастером*. Вот, например, что он записывает после просмотра фильма «Бег» по произведению Булгакова, давая сценарный комментарий, описывая

²⁰ Свои отношения с Эммой Поповой, когда он часто уединялся для работы у себя в Москве или в Загорянке, АКГ остроумно называл «карантином» (запись 28 февраля 1970 года).

²¹ РГАЛИ, фонд № 298, письма Gladkovу — от Н. Я. Мандельштам, л. 15.

игру актеров, рассматривая постановку с точки зрения съемок и режиссерского замысла, — такого профессионального разбора не мог бы, конечно, напечатать ни один из официальных журналов:

2 фев. 1971. Фильм «Бег» очень неровен. Он одновременно и талантлив, и безвкусен. Ему как бы не хватает умного редактора. В сценарии пропали какие-то важные звенья и вместе с тем много лишнего. Замечательно играет Хлудова Стрженевский²². Чар[н]ота — М. Ульянов почти хорош. <...> Однообразен А. Баталов, роль которого деформирована в сторону героическую, чего нет в пьесе. Он внешне похож (по гриму) почему-то на Абрама Эфроса. Местами видна фанера декораций. Массовки хороши. Фильм кончается как художественное целое минут за 15 до фактического конца. Все после сцены встречи Чарноты с Люской неинтересно и слабо. Есть пошлость. Зная дальнейшую судьбу возвратившихся на родину казаков, можно ли так аляповато ставить их сцену. И текст тут тоже ужасно фальшивый. <...> Пошловат эпизод с гробовщиком и коллективным самоубийством. Если бы его выбросить <...> развернуть трагикомическую роль Баталова, найти финал для Хлудова и вообще другой финал фильма, четче выстроить драматургию, то фильм мог бы быть превосходным. Насколько мне не понравился «Скверный анекдот», настолько многое пленяет в этой работе Алова и Наумова. В лучших сценах угадан стиль Булгакова: редкая у нас вещь в кино.

Вместе с тем, как ни много встречается подобных вполне «экспертных» и высококлассных оценок в дневнике АКГ, назвать его текст исключительно «профессиональным» дневником невозможно (в отличие, скажем, от «Новомирского дневника» Алексея Кондратовича, посвященного практически полностью высказываниям только одного лица — Твардовского²³). У АКГ это все-таки вполне классический многожанровый и многослойный дневник, в котором всегда есть множество компонентов, вроде как в «сборной солянке». Похоже, что АКГ этим еще и пользуется как специальным приемом.

Как АКГ много раз заявляет, при всем внимании к новым веяниям в литературе, он терпеть не может так называемого «нового романа», детища преимущественно французов — Н. Саррот, Роб-Грийе и других, у которых сюжет превращался неизвестно во что, как бы слепо копируя жизнь. Его вкусы в этом отношении были вполне традиционны: АКГ любит классически выстроенную интригу — как классического романа, так и традиционную занимательность пьесы (хотя при этом близко общается с Варламом Шаламовым, сторонником именно «новой прозы»)...

Пожалуй, в дневнике АКГ вынуждает читателя одновременно следить за совершенно разными линиями сюжета, идущими или «разбегающимися» в разные стороны, но еще и «прошивающими насквозь» как бы весь дневник — многими параллельными *пунктирами*. Это можно, мне кажется, сравнить с «контрапунктом» в музыке. Они, эти линии, порой сливаются вместе, а порой расходятся или становятся друг к другу *в контры*: например, сетования, что опять нет денег, что вот эти паразиты издатели или начальство на киностудии не платят, а бывшей жене с дочерью надо обязательно подкинуть хоть сколько-то денег — чтобы они смогли съездить на лето отдохнуть в Прибалтику, что наш космонавт Леонов вышел в открытый космос, а американцы вот-вот сядут на Луну, что приближается собственный день рождения, который «я» так не люблю праздновать, что опять кто-то звонил,

²² Ослышка автора: на самом деле роль Хлудова в фильме исполняет Владислав Дворжецкий.

²³ «Всюду в центре моего внимания — Твардовский. И журнал. Журнал и Твардовский. Я полагаю, что в этом смысл был. Твардовский не раз говорил, как хорошо, если бы кто-нибудь записывал все, что происходило с ним за десятилетия жизни» (Кондратович А. И., стр. 28).

но я не подошел к телефону: наверно, это А, хотя может быть и Б, и тогда, конечно, надо было бы подойти: придется, наверно, спросить у В: «Не он ли это?»; что достал наконец у букинистов (на самом-то деле, он, наверно, спекулянт, этот Г?) какие-то замечательные издания — Д и Е, что надо будет на неделе сдать деньги в правление дачного кооператива на проведение газа (АГВ) и, видимо, придется восстанавливать забор, в котором за зиму кто-то проделал две дыры; что с друзьями детства Е, Ж и З прежних отношений уже, конечно, не восстановить (так были неразлучны когда-то в юности, 20 лет назад: они-то думают, наверно, что я к ним отношусь все так же...); что в разговоре со знакомым парикмахером И вчера узнал, что умер Й: надо будет узнать, когда похороны; что во время обеда в ЦДЛ вместе с К подсел к нам Л и рассказал про М, там же я виделся с Н: оказывается, она уже подала документы на отъезд — по «еврейской» визе; что собирается туда же и О; что в ССП сегодня П страшно ругал Р и С — за публикацию их книги за границей: скорее всего, первого из них теперь выгонят из партии... Ну, и т. д. и т. п.²⁴

Так вот интересно, является ли вся масса отображаемых в дневнике событий какофонией, или же она, проходя через сознание драматурга, выстраивается в какие-то более или менее стройные сюжетные линии, с попытками подведения итогов к концу года или к каким-то значимым памятным датам (смерть матери, начало романа с Т, первая встреча с У, ссора с Ф)? В 1920-х дневниковые записи следуют с большими временными и событийными пропусками, по неделе или даже по месяцу. И сам диапазон внимания значительно уже. К концу жизни ведение дневника превращается у АКГ в некую обязательную, практически каждодневную работу за пишущей машинкой, в некий интимный акт, которым он весьма дорожит — чуть ли не больше, чем своей работой для заработка! Ну а если поддержанию этой «интимности» что-то мешает, то он вообще с трудом переносит такое существование (например, уезжает от любимой женщины или, по крайней мере, проклинает свое бессмысленное прозябание на данном месте). Конечно, «контрапункт» здесь в первую очередь — просто из-за постоянной смены сюжетов, их чересполосицы, переключения внимания адресата (и читателя дневника, которым выступает прежде всего сам автор, при его переписывании, а только уже затем, в отдаленной временной перспективе, через десятки лет — любитель копаться в архивных записках или читатель изданного дневника)²⁵, перескоков с одного события на другое, с пятого на десятое, переходов с мелкого масштаба на крупный: от Пушкинской *красы ногтей* к вопросам государственной важности (посадят ли Никсона за Уотергейт, введут ли «наши» свои войска в Прагу, смогут ли взлететь американские астронавты с Луны)... Анализ событий и явное осознание конфронтации того, что старательно замалчивается, — пристальное внимание к авторам самиздата и к хождению конкретных произведений (от кого достал, кому передал, с кем читал...), о борьбе «сталинистов» и «антисталинистов» в правительственной партийной верхушке — таких угадываемых течений внутри как ССП, так и ЦК, как сочувствие «руссита» или «западникам»... Ну и, конечно, в связи с этим «смена голосов» тех людей, которые были собеседниками и доносили до него весь этот кроссворд фактов. АКГ как драматург, постоянно воспроизводя чужие интонации, пытается встать на позиции своих оппонентов... Скажем — и ненавидит драматурга Киршона, как «своего брата», но все-таки, когда того травят на собрании в ССП в 1937-м (потом расстреляют), то — проникается и к нему даже каким-то если не уважением, то человеческим сочувствием.

²⁴ В дневнике человеку как бы сам бог велел самому себе противоречить — иначе это уже не дневник, а какой-нибудь научный трактат...

²⁵ О фигуре адресата дневника см.: Зализняк Анна. Дневник: к определению жанра. — «Новое литературное обозрение», 2010, № 106.

В дневнике обсуждается и собственная манера письма:

10 мая 1971. <...> А что если назвать эту непонятную рукопись: **Попутное?** Это ее выражает, конечно, хотя и странновато.

В результате его книга, составленная из фрагментов дневника, первоначально называвшаяся «Записи ни о чем», будет переименована в «Попутные записи» (см. запись от 21 мая). А чуть ранее приведенной записи о рукописи было сказано вот что:

2 мая 1971. Ц.И. [Кин] прочла мои «Записи ни о чем» и хвалит. Она считает, что надо сохранить тот произвольный порядок, в котором они собраны (записи) и сделать это законом Композиции.

Похвала друга служит для него самооправданием при построении дневника. А все-таки надо признать, что драматург смотрит на жизнь иначе, нежели простой смертный, подмечая в ситуации такие черты, которые делают ее нестандартной, выводят из обыденности в масштаб творческого, поэтического восприятия, то есть кроит из нее всякий раз сценарий очередной своей пьесы, как вот здесь, во время отдыха в Комарове:

2 фев. 1970. <...> Вечером сижу у заболевшего Н. Я. Берковского. Разговоры о том о сем. Он импозантен, в зеленом халате, надетом на белое белье. Заходит Т. И. Сильман, его бывшая любовница, уже постаревшая. Тут же жена[,] Е. А., к которой он потом вернулся. Все стары, интеллигентно выдержан[н]ы, блестяще вежливы.

Публикатор дневника благодарит за помощь тех, кто принимал участие в комментировании текста АКГ, — Елену Александровну Амитину, Дмитрия Исаевича Зубарева, Дмитрия Нича, Константина Михайловича Поливанова, Александру Александровну Раскину, Наталию Дмитриевну Солженицыну, Габриэля Суперфина, Валентину Александровну Твардовскую, Романа Тименчика, Елену Цезаревну Чуковскую, Сергея Викторовича Шумихина, Юлия Львовича Фрейдина.

Михаил Михеев

1964

Выписки из Фонда РГАЛИ № 2590, оп. 1, е.х. 104. 1-й экз. машинописи, заполнен только по лицевой стороне: от 2 янв. до 30 дек. — почти без пропусков, листы проколоты и были сшиты, но рассыпаются (были прочитаны ранее еще пятью исследователями — с 1985 по 2007 г.); 168 лл.²⁶

2 янв. Подписал договор на «Зеленую карету»²⁷. И. Н.²⁸ обещал помочь получить деньги поскорее, но это зависит от главбуха.

²⁶ В квадратных скобках в тексте дневника — вставки и примечания публикатора. Подстрочные примечания — публикатора и комментаторов. Особенности орфографии оригинала в некоторых, характерных для АКГ, местах сохранены, что помечено подчеркиванием.

²⁷ Имеется в виду фильм по сценарию АКГ, съемки которого будут проходить в 1966 — 1967 годах. В прессе того времени: «...широкоформатный цветной фильм „Зеленая карета“ (сценарий А. Гладкова, режиссер Я. Фрид), съемки продолжаютеся на студии Ленфильм». Ср. с записью от 5 декабря 1964 года: там фильм назван «мелодрамой в высоком смысле этого слова».

²⁸ Имеется в виду Илья Николаевич Киселев — директор киностудии «Ленфильм», знакомый АКГ, с которым связаны многие его работы для кино, но — и многие разочарования.

Письмо от С. Ларина²⁹ с пышными комплиментами моей статье³⁰ (в том числе и от имени А. П. Мацкина³¹). Сережа называет статью образцовой, замечательной и т. п., пишет, что для него, читавшего Платонова, она была открытием в Пл[атонове] огромного художника. <...>

4 янв. Получил деньги. У меня Эмма³². Вечером у Киселевых. Приехавший из своей деревни Вовка [видимо, сын Киселевых]. Снова удивляюсь, как в такой семье вырос этот превосходный, чистый малый.

Хвастовство И. Н. Его рассказы. <...> Будто бы И. Н. хотят перевести на Мосфильм. Они с Вовкой провозажают меня до метро.

5 янв. Обед у Чесноковых³³: скучно, натянато. Разговоры вокруг скандала 31-го на встрече Нового года во Дворце Искусств. Туда пришли Окуджава и Евтушенко. Евтуш[енко] попросили читать новые стихи. Он будто бы стал читать поэму «Декабристы»³⁴. Ему пьяный Иван Дзержинский³⁵ стал что-то кричать и назвал его предателем. Дзерж[инского] поддержал какой-то физик. Фамилию его называют по-разному: и Новожилов, и на П (забыл). Молодежь выставила обоих из зала. Комендант города Лукьянов³⁶ не мог ничего сделать. <...>

7 янв. Звонок из Москвы с радио. Предлагают сделать передачу о В. Э. Мейерхольде на час двадцать минут с участием Эренбурга и актеров³⁷. <...>

9 янв. <...> Письма от Оттена³⁸ и Левы³⁹. Н. Д. [Оттен] пишет: «О вашей статье много говорят, вокруг нее большой шум». То же, более спокойно, пишет

²⁹ Ларин Сергей Иванович (1927 — 2002) — критик, переводчик, журналист. Родился в Москве, окончил факультет журналистики МГУ, работал в издательстве «Мысль», в «Литературной газете», в журнале «Советская литература (на иностранных языках)», в отделе публицистики журнала «Новый мир».

³⁰ Имеется в виду статья А. К. Гладкова «В прекрасном и яростном мире» (О рассказах Андрея Платонова). — «Новый мир», 1963, № 11.

³¹ Мацкин Александр Петрович (1906 — 1996) — литературный и театральный критик, историк театра. Печатается с 1923 г. (с 1930-х годов в основном о театре). В 1941 — 1945 гг. на фронте. Ему грозила участь «критиков-космополитов», ошельмованных в 1949 г. (См. на сайте МХТ <<http://library.mxat.ru/books/reader/12>> — он был среди обвиняемых в директивной разгромной статье «Правды», но в последний момент его имя вычеркнул проводивший кампанию А. А. Фадеев). См. послесловие Мацкина «А. К. Гладков. Личность и черты творчества» к книге, изданной уже после смерти АКГ (Гладков Александр. Театр. Воспоминания и размышления. М., «Искусство», 1980, стр. 437 — 447).

³² Э., или Эмма — Эмилия Анатольевна Попова (Бирман) (1928 — 2001) — актриса в труппе Ленинградского Большого драматического театра (БДТ) — подруга и фактически жена Гладкова последних десятилетий его жизни. О ней на сайте БДТ <http://www.bdt.spb.ru/pamiat/women/popova_ea.html>.

³³ АКГ часто воспроизводит имена со слуха, на самом деле имеется в виду Владимир Иванович Честноков (1904 — 1968), актер театра и кино, театральный педагог, худрук Пушкинского театра.

³⁴ Глава из поэмы Евгения Евтушенко «Братская ГЭС». Опубликовано в 1965 г.

³⁵ Дзержинский Иван Иванович (1909 — 1978) — советский композитор. Народный артист РСФСР (1977). Лауреат Сталинской премии третьей степени (1950).

³⁶ Установить, кто имеется в виду под «комендантом», не удалось.

³⁷ См. об этом ниже, запись от 17 февраля.

³⁸ Оттен, или Н. Д. (см. ниже) — Николай Давидович Оттен (Поташинский) (1907 — 1983), кинодраматург, переводчик, сценарист, критик, соавтор АКГ по кино-сценарию «Бумажные цветы» (1961), редактор сборника «Тарусские страницы» (1961). Оттены (см. ниже, запись от 12 января) — это еще и его жена — Елена Михайловна Гольшева (1906 — 1984), известная переводчица с английского; и ее сын (от первого брака), переводчик Виктор Гольшев. Многие годы семья жила в Тарусе, в их доме бывали Паустовский, Надежда Мандельштам, Солженицын и многие другие, некоторое время жил Александр Гинзбург.

³⁹ Лева, или Лев Абелевич Левицкий (1929 — 2005) — сотрудник «Нового мира» — друг Гладкова. Кстати, сам оставивший 2 тома дневников, которые опубликованы: Левицкий Лев. Утешение цирюльника. Дневник. 1963 — 1977. СПб., «Издательство Сергея Ходова», 2005; Левицкий Лев. Термос времени. Вторая часть (1978 — 1997). СПб., «Издательство Сергея Ходова», 2006.

и Лева. В его письме печальная новость: у Миши Светлова⁴⁰ кровохарканье, его увезли в больницу. Он продолжал пить до последних дней.

Уморительную деталь о скандале с Евтушенко рассказала вчера Ольхина⁴¹. Когда Ивана Дзержинского вышибали из зала, его супруга кричала: — Эх вы, а еще интеллигентные люди, считают себя культурными, а человека ногой под жопу выбрасывают!.. Круги по воде еще идут.

Эмме предложили на телевидении играть Нину Заречную в «Чайке» и она после слез и колебаний согласилась и уже репетирует. Вчера звонил Суслович⁴². Он будет ставить новую пьесу Штейна о Ленине вместо «Ричарда 3-го», которого опять отложили. Эту пьесу Штейн переделал из своей старой «1921 год», существенно ее изменив⁴³. Ее хвалят.

В новом издании «В лаборатории редактора» Лидии Чуковской⁴⁴ 4 ссылки на мои записи о М[ейерхольд]е. Их цитируют повсюду в хвост и в гриву.

Во время моего предновогоднего безденежья вышло несколько интересных книг, которые я прозвал: биография Экзюпери⁴⁵, воспоминания Андреева⁴⁶, рассказы Бёлля⁴⁷ и Моруа⁴⁸ и еще что-то. Может, в Москве куплю.

10 янв. Достал первый январский номер «Леттр франсез», где целый разговор занят моими записями о В. Э. и Маяковском⁴⁹ <...>.

Имя Мейерхольда набрано гигантскими буквами.

Я больше чем доволен, я счастлив и, клянусь, вовсе не из тщеславия, а потому что снова имя моего дорогого учителя звучит во всем мире, потому что он не ошибся в моей верности себе...

Купил билет. Сегодня еду в Москву, если... если мне из чистки вернут черный костюм. <...>

Эмма рассказывает, что А. Белинский⁵⁰ на репетициях «Чайки» вспомнил меня, приводя в пример тригоринского безразличия к одежде, и говорил еще что-то в этом роде. Сейчас бы помереть и станешь легендой, и постепенно все издадут, что написал, и приятели будут писать воспоминания о чудеке и светлой личности, а я и не светлая личность, и не чудак, а человек, очень много думавший и очень много намеревавшийся сделать, и очень мало сделавший, любивший жизнь больше славы и успеха.

⁴⁰ Светлов Михаил Аркадьевич (настоящая фамилия Шейнкман, 1903 — 1904) — поэт и драматург. См. о нем в дневнике ниже — от 28 и 30 сент. 1964 г.

⁴¹ Ольхина Нина Алексеевна (род. 1925), актриса театра Товстоногова. См. <<http://www.kino-teatr.ru/kino/acter/w/sov/17649/bio/>>.

⁴² Суслович Рафаил Рафаилович (1907 — 1975) — ленинградский театральный педагог, режиссер театра и кино. Один из самых известных режиссеров Ленинграда. Первым поставил на российской сцене Б. Брехта и А. Миллера. Главный режиссер Театра им. Комиссаржевской.

⁴³ Штейн Александр Петрович (настоящая фамилия Рубинштейн, 1906 — 1993) — писатель, драматург, сценарист. Речь идет, скорее всего, о старой пьесе Штейна «Весна двадцать первого» (1939) и о пьесе «Между ливнями», написанной в 1964 г.

⁴⁴ Чуковская Лидия Корнеевна (1907 — 1996) — редактор, писательница, поэт, публицист, мемуаристка, диссидент. Дочь Корнея Чуковского и Марии Борисовны Гольдфельд. Книга Лидии Чуковской «В лаборатории редактора» написана в конце 1950-х и печаталась в начале 1960-х годов. Автор подводит итог собственной редакторской работе и работе своих коллег в редакции ленинградского «Детгиза», руководителем которой до 1937 г. был С. Я. Маршак.

⁴⁵ Антуан де Сент-Экзюпери (1900 — 1944) — французский писатель, поэт и профессиональный летчик.

⁴⁶ Андреев Леонид Николаевич (1871 — 1919) — писатель.

⁴⁷ Бёльль Генрих (1917 — 1985) — немецкий писатель, переводчик, лауреат Нобелевской премии по литературе (1972).

⁴⁸ Моруа Андре (1885 — 1967) — французский писатель и член Французской академии.

⁴⁹ Gladkov Alexandre. Pour un portrait de Vsévolod Meyerhold, présenté par Antoine Vitez: Esquisse biographique et commentaires. — Lettres françaises, 1964, 2 — 8 janv. (№ 1010).

⁵⁰ Белинский Александр Аркадьевич (род. 1928) — режиссер театра и кино, телевидения и радио.

12 янв. Второй день в Москве⁵¹. Живу в комнате Оттепов, которых на мое счастье нет⁵². Застаю Москву в состоянии паники из-за нескольких загадочных убийств. Некто звонит в квартиры и, если застаёт там только детей и женщину, входит, назвавшись монтером Мосгаза и убивает охотничьим топориком. Москвичи сидят запершись и не пускают в квартиры никого, кто на отклик отвечает незнакомым голосом. <...> Говорят о 8 — 9 убийствах за 2 недели. Сегодня вечером, когда мы слевой ехали от Паустовских (вернее ночью), шофер сказал нам, что убийца арестован в Казани, куда он уехал из Москвы.

<...> Сегодня вечер у Паустовских. К. Г. лежал, потом встал. Ужин. Просматриваю у него блистательные портреты Чуковского и Житкова Е. Л. Шварца⁵³.

14 янв. Вчера с утра еду в Загорянку⁵⁴. Снегу меньше, чем в прошлом году. Разбираю бумаги, топлю печи. <...> И все-таки мне мил этот старый мой, запущенный и захламленный дом. Приезжаю разбитый и никуда не могу пойти, хотя обещал к Гариным⁵⁵.

По радио сообщают о поимке преступника. Его зовут Ионесян Владимир Михайлович⁵⁶ <...>.

Сегодня утром на радио. Просят составить план передачи. Ох уж не люблю этих планы! Потом у Ц. И. Кин⁵⁷. Умная и приятная женщина. Очень интересны ее рассказы. Захожу залевой и едем сначала в «Новый мир», потом в ЦДЛ обедать. В редакции беру только что вышедший № 12 журнала. В ЦДЛ много встреч: Кузнецов и Зак,⁵⁸ Трифонов⁵⁹ и Евтушенко, и пробующий со мной активно объясняться Шток⁶⁰. Он зовет в гости и всячески идет на мировую.

⁵¹ До этого АКГ некоторое время жил в Ленинграде, в связи с работой на Ленфильме, снимая номер в гостинице «Европейская».

⁵² У Оттепов была квартира в Москве, но многие годы они подолгу жили в Тарусе, поэтому часто иногородние друзья или такие, как АКГ, в то время «бездомный», могли останавливаться в их московской квартире.

⁵³ Евгений Львович Шварц (1896 — 1958), писатель, драматург, автор более двадцати пьес для драматического театра и театра кукол, а также сценариев к одиннадцати игровым кинофильмам и одному мультфильму. Возможно, АКГ читал ходившие по рукам шварцевские «портреты» Чуковского («Белый волк») (впервые напечатано в сб. «Память», Париж, 1980, № 3) и Житкова («Превратности характера») (Шварц Евгений. Мемуары. Париж, 1982).

⁵⁴ Любимое место пребывания АКГ, его работы и отдыха — это дачный поселок Загорянка, на восток от Москвы.

⁵⁵ Гарин — Эраст Павлович Гарин (или Э. П. или просто Эраст) и его жена, Х. А. Локшина (или Х. А., или просто *Хеся*), — многолетние друзья, постоянные собеседники АКГ, он часто бывал у них в гостях; см. ниже в записи от 20 сент.

Гарин Э. П. (1902 — 1980) — артист театра и кино, режиссер, сценарист, с 1922 по 1936 г. — актер Московского театра им. В. Э. Мейерхольда; Хеся Александровна Локшина (1902 — 1982) — режиссер и сценарист.

⁵⁶ Ионесян В. М. (1937 — 1964), один из самых первых советских серийных убийц. Его популярной неофициальной кличкой стал «Мосгаз», поскольку Ионесян проникал в квартиры, представляясь работником «Мосгаза».

⁵⁷ Кин Цецилия Исаковна (1905 — 1992) — литературный критик, литературовед, публицист, специалист по культуре Италии. Жена писателя Виктора Кина. Соседка АКГ по дому на Красноармейской улице, его близкий друг в последние годы жизни. О Викторе Кине (1900 — 1937) — в статье: *Ф р е з и н с к и й Б о р и с*. Великая иллюзия. Париж, 1935; «Минувшее», СПб., 1998, стр. 210 — 211.

⁵⁸ Зак Авенир Григорьевич (1919 — 1974) и Кузнецов Исая Константинович (1916 — 2010) — драматурги и киносценаристы, работавшие в соавторстве.

⁵⁹ Трифонов Юрий Валентинович (1925 — 1981), писатель, мастер «городской» прозы, одна из главных фигур литературного процесса 60 — 70-х, многолетний друг АКГ.

⁶⁰ Исидор Владимирович Шток (1908 — 1980) — драматург, актер, бывший другом юности АКГ, однако в последние годы АКГ относился к нему с откровенной неприязнью.

Говорят, что по протесту Д. Ибаррури запрещен выход «По ком звонит колокол»⁶¹. Она вчера прилетела в Москву вместе с Кастро.

Мне нужно повидать Гариных, посмотреть его спектакль [спектакль Э. П. Гарина], постараться повидать И. Г. Эренбурга, написать тексты радиопередачи (Ох!) и тогда я могу ехать⁶². Ну, конечно есть еще ряд небольших и тоже не очень приятных дел.

16 янв. Днем обедаю у Эренбурга. Он мило сохранил для меня номер «Леттр франсез»⁶³. Переводит мне предисловие. <...> И. Г. написал к новому тому мемуаров краткое вступление, еще раз напоминающее, что это только воспоминания, а не история... Он говорит слабо и скептически улыбаясь, что больше не видит никакой логики в том, что происходит: в настроениях верхов, в капризах цензуры. Он это повторяет: логики нет, все случайно. Рассказывает мне о новой последней книге «Люди, годы, жизнь». Он написал 22 главы, осталось 8, в том числе и глава о Сталине. Читает мне куски о Михоэлсе и его смерти, о борьбе с «космополитизмом», о 46-м годе, о разговорах с Маленковым об антисемитизме и пр. <...> Читает мне кусок из главы о Фадееве, который мне не нравится: он к нему слишком снисходителен. Говорим о книге Астье о Сталине⁶⁴ и вообще о Сталине. Он признает в нем своего рода «гениальность», при всем зверстве, коварстве и злобе. По его словам, все крупные иностранцы, встречавшиеся со Сталиным, были им очарованы. И в то же время он нещадно матерился и был груб с подчиненными и зависимыми от него людьми. Мат вообще процветал наверху, и даже выдержанный Молотов матерился. Он говорит, что только из книги Астье он узнал правдоподобную версию самоубийства Адилуевой. <...> Бухарин рассказывал И. Г., что Сталин очень был тронут откликом Пастернака [на ее смерть] и долго держал его у себя на столе под стеклом, после того уже как вырезка совсем пожелтела. Поэтому он хорошо относился к Б. Л. Тот написал это вполне искренне: это был чистый порыв. <...> О том, как Раск[ольников]⁶⁵ приходил к нему в Париже, смятенный от страха и просил совета: возвращаться ли. О том, что предстоит 50 лет азиатско-африканского национализма. О Мао и о личном воспоминании о приеме у него.

16 янв. Вчера Эренбург согласился записаться для участия в радиопередаче о Мейерхольде. В общей сложности я просидел у него часа три. Он мне показался уставшим и постаревшим, потерявшим свой обычный задор. Все время курит сигары, но говорит почти непрерывно, без всякой охоты вслушиваясь в мои редкие реплики. О его версии смерти Михоэлса: почему его не арестовали и не расстреляли, как других: «игра ума, развлечение Берии».

17 янв. Вечером на «Веселых расплюевских днях» («Смерти Тарелкина») в студии кино-актера слевой. Потом захожу к Эрасту в уборную. Спектакль хороший, и Эраст Павлович играет хорошо (еще хорош Хвьяля — Варравин), но ужасный зал (т. е. зрители). Они пришли явно поглядеть живых кино-артистов, пьеса им не интересна, реакции некультурные. Жалко Э. П. Ему почти сорвали

⁶¹ Роман Эрнеста Хемингуэя «По ком звонит колокол» не понравился Долорес Ибаррури и Энрике Листеру, и они сделали все, от них зависящее, чтобы советские читатели не прочли эту книгу. В Испании роман распространялся в пиратских изданиях. См.: <<http://www.inopressa.ru/article/25jun2013/elpais/Hemingway.html>>.

⁶² АКГ готовит в Москве передачу для радио о Мейерхольде, но в ближайшем будущем собирается «возвращаться в Ленинград», который считает теперь уже «своим домом»: там живет его любимая женщина.

⁶³ Номер с воспоминаниями АКГ о Мейерхольде и Пастернаке (см. записи от 10 января).

⁶⁴ Emmanuel d'Astier de la Vigerie. Sur Staline. Paris, Plon, 1963.

⁶⁵ Раскольников Федор Федорович (настоящая фамилия — Ильин: 1892 — 1939) — советский военный и государственный деятель, дипломат, писатель и журналист. Невозвращенец.

последний монолог, побежав за 5 минут до конца в гардероб. Разговор с Х. А. о том, что она скоро умрет и завещает мне свой архив с записками М[ейерхольда] и редкими программками⁶⁶.

Днем случайная встреча с Арбузовым⁶⁷ в Лавке писателей. Он был необычайно приветлив, бросился ко мне, как к брату, звал вместе куда-то ехать, вместе жить, чаще встречаться, бранился, что я «пропал и скрываюсь» и пр. Прошлись с ним вместе до улицы Горького.

За обедом в клубе разговор с Б. Слуцким⁶⁸.

20 янв. Надо возвращаться в Ленинград. Там какой-никакой, а все-таки вроде «дом». По-прежнему живу у Н. Д. [Оттена], но он может каждый час приехать, и тогда надо выметаться.

Сдал на радио текст передачи. Попросили меня самого прочесть. Да, это длинно. Слушали режиссерша, редакторша и бойкий молодой человек Саша Ширель, помогающий в организации всего этого дела⁶⁹.

21 янв. <...> у Левы. Его Люся⁷⁰. Приходят Сарнов⁷¹ и Балтер⁷². Спор о времени. Диаграмма Сарнова. Балтер «левее здравого смысла»: он единственный член партии среди нас. Впрочем, сейчас разница в этом уже почти стерлась. Потом Лева передает мне отзыв Сарнова о моей статье: я «смазал» остроту биографии Платонова и зря «обидел сказ». Он умный человек, но талмудист. <...>

Уже надоело здесь так жить: надо уезжать.

22 янв. <...> Большое впечатление из вчерашних рассказов Ц. И. Кин о дипломате Марселе Розенберге⁷³ <...>. Сажали не за подозреваемую и потенциальную оппозиционность даже, а за биографии и анкеты. <...>

Помню, как мой отец в 25 — 26 гг. читал разные обильные воспоминания о конце царского режима — с жадностью, мне почти тогда непонятной. А мне сейчас вдсестеро интереснее все, что постепенно узнается о 34 — 39 гг.

Сейчас еще можно почти все восстановить, а через десять лет живые свидетели умрут и все будет труднее.

31 янв. Утром приехал в Москву. Днем на радио. Обед слевой в Арагви. Вечером болтовня⁷⁴.

5 фев. Вчера после приезда. <...> Ссора и примиренье с Эммой. Под вечер звонок Саши Ширеля о снятии передачи, посвященной Мейерхольду, и о запрещении вечера его памяти. Он в панике.

⁶⁶ АКГ так и не довелось поработать в архиве Э. П. Гарина — он умер раньше Э. П. на 4 года, в 1976-м.

⁶⁷ Арбузов Алексей Николаевич (1908 — 1986) — драматург, давний знакомый и соавтор АКГ (в частности, по пьесам «Город на заре» (1938) и «Бессмертный»), с которым АКГ в последние годы почти перестал встречаться, «раздружившись».

⁶⁸ Слуцкий Борис Абрамович (1919 — 1986), поэт.

⁶⁹ Шерель Александр Аркадьевич (1937 — 2005) — сценарист, критик, журналист, публицист, преподаватель, специалист по истории театра, истории радиотеатра.

⁷⁰ Люся, или Людмила Сергеевна — тогда подруга Левицкого, в будущем жена.

⁷¹ Сарнов Бенедикт Михайлович (род. 1927) — литературовед, литературный критик.

⁷² Борис Исаакович, или *Боря*, Балтер (1919 — 1974) — прозаик.

⁷³ Розенберг Марсель Израилевич (1896 — 1938: расстрелян) — дипломат. Во время Гражданской войны в Испании — полпред СССР при республиканском правительстве.

⁷⁴ Весь этот лист в дневнике — как будто подмненен: вклеен дополнительно (вместо вырванных страниц? или их не было?); между 22 и 31 января — пропуск. На обороте листа — напечатанное, но забитое поверх название «Дневник 1965 г.» (т. е. это исправление или допечатка); очень краткие записи, что совсем необычно для остального дневника АКГ, — всего по одной — две строчки за день. То есть во время всей его поездки в Ленинград — пробел в записях! Странно: только что вроде бы стремился из Москвы — к Эмме.

6 февр. [После напечатанной даты — ничего нет и пропуск в полстраницы — вещь в остальном дневнике не встречающаяся.]

7 фев. Звонок М. С. Янковского⁷⁵ с просьбой зайти к нему. Иду, он колеблется: проводить ли вечер памяти Мейерхольда, назначенный на 14-е (с моим докладом). Если никто больше не приедет из москвичей и останутся только Вивьен⁷⁶, Тиме⁷⁷, Вельтер⁷⁸ и Веригина, то это будет недостойно В. Э. и жалко. Тут он прав. <...>

Умер мой старый хороший знакомый А. Г. Глебов⁷⁹. С ним связаны и воспоминания о начале журналистики, и о драматургическом дебюте, и о делах в Союзе пис[ателей] после 16 октября [1941 года], и о Чистополе. Он недавно стал успешно писать мемуарную прозу — как бы начал вторую литературную жизнь после многолетних неудач в драматургии. Уходят люди 20-х годов.

Тепло, снежно...

Читаю стенограмму X съезда. Интересно!

(лл. 14-21) [наклеенные на листе вырезки из статьи «Л.Шаумян» в газ. «Правда» 7 фев. 1964:] «На рубеже первых пятилеток» <...>

«...назревала мысль переместить Сталина с поста...»

12 фев. [сверху — вклеенная половина листа, очевидно, перекрывающая какой-то предыдущий текст (не читаемый):] Третьего дня разыгралась блинц-комедия. Утром мне позвонил Киселев и сказал, что <...> чтобы я написал для «Лен[инградской] Пр[авды]» статью о М[ейерхольд]е. <...> Снова телефон. Янковский сообщает мне, что ввиду моей болезни (?) вечер переносится. — И не выходите пару дней из дому, — прибавляет он заботливо. — Вам надо вылежаться...

Три вечера подряд во Дворце искусств: 10-го вечер Киры Смирновой⁸⁰ — песни на слова Новеллы Матвеевой⁸¹, вчера вечер Андроникова⁸² и сегодня капустник.

Капустник мне в общем не понравился. Во-первых <...> есть нечто уни-зительное, приплясывая, показывать из кармана кукиш, и даже не то чтобы кукиш, а кончик кукиша.

Эта форма гражданского протеста — какая-то холуйская... Андроников был блистателен, с рядом новых рассказов. Заходил к нему за кулисы.

Песни Н. Матвеевой в исполнении под гитару Киры Смирновой (жены Бори Заходера)⁸³ — хорошо. Это непросто и удивительно, что имеет такой успех. Это сложнее Окуджавы, а вообще совсем новый у нас жанр. Стихи идут от каламбурной детской поэзии, от шуток, которая насыщается большим образным смыслом, дешёвым лиризмом. Талантливо!

⁷⁵ Янковский Моисей Осипович (наст. фамилия Хисин; 1898 — 1972), музыковед, критик, драматург, педагог. С 1931 по конец 1933 г. — художественный руководитель Театра музыкальной комедии.

⁷⁶ Вивьен Леонид Сергеевич (1887 — 1966) — актер, режиссер, театральный педагог, автор воспоминаний о Мейерхольде.

⁷⁷ Тиме Елизавета Ивановна (1884 — 1968) — знаменитая актриса Александринского театра.

⁷⁸ Вельтер Надежда Львовна (1899 — 1991) — оперная певица, исполнительница партии Графини в опере «Пиковая дама», постановка Мейерхольда (1935).

⁷⁹ Анатолий Глебович Глебов (настоящая фамилия Котельников; 1899 — 1964) — русский советский драматург, журналист, прозаик.

⁸⁰ Смирнова Кира Петровна (1922 — 1996) — артистка эстрады, певица. Жена Бориса Заходера (см. ниже).

⁸¹ Матвеева Новелла Николаевна (род. 1934) — поэт, прозаик, бард, драматург, литературовед.

⁸² Андроников Ираклий Луарсабович (1908 — 1990) — писатель, литературовед, мастер художественного рассказа, телеведущий.

⁸³ Заходер Борис Владимирович (1918 — 2000) — поэт, детский писатель, переводчик, популяризатор мировой детской классики.

М. С. Янковский все колеблется: делать ли ему вечер Мейерхольда или нет. И хочется и колется.

Мне очень хочется переписать мою книгу о В. Э. — сделать ее внутренне свободнее, убрать адвокатскую интонацию, излишнюю полемичность. <...>

Литературный мир говорит главным образом о том — дадут ли Ленинскую премию Соложенищину. После статьи Маршака в «Правде» его шансы очень повысились⁸⁴.

14 фев. Занялся Кином⁸⁵. Прочитал три десятка его старых фельетонов и все материалы о нем. Странно: мне интереснее писать о его поколении, чем о нем как писателе. Он очень способный, просто удивительно, но едва начинающий выходить из хорошего ученичества: весь — обещание. Любопытно, что в 37 — 38 гг. погибли все его друзья-однокашники. Т. е. это поколение тоже вырубалось, так что схема из статьи Л. Шаумян хотя и верна во многом, но узка и не обнимает всего процесса. От этого поколения, которое если бы уцелело, сейчас бы правило, оставили с нимбом святого Николая Островского: остальных уничтожили. <...> Но гибель Кина и его друзей вдесятеро трагичнее. Сам Кин, узнав об аресте одного своего друга, бывшего дальневосточного подпольщика, потом икаписта⁸⁶, сказал совершенно точно: — Это самоубийство! [Видимо, в том смысле, что поколение само убивает себя.] — О, как можно об этом написать. И нужно! В этом поколении была еще одна черта: интернационализм. Недаром столько из него были инкорами, коминтерновцами, кимовцами [членами «коммунистического интернационала молодежи»]. В год окончания войны Кину было бы 42 года. К этому поколению принадлежит и Казакевич⁸⁷, и не столько биографией, сколько составом крови. Он его последний.

Это даже занятно, — почему так не тянет меня читать Кафку. М. б. потому, что надоели иносказания. Хочется правды, от которой будет ломить зубы, как от родниковой воды, а это может быть сейчас только документом, мемуарами, публицистикой, очерком, историческим репортажем. На хрена читать «Дым», когда пишутся «Былое и думы»! Поэтому Каржавин⁸⁸ и Евтушенко нужнее Ахмадуллиных⁸⁹ и Бродских. Блок говорил, что Брешко-Брешковский⁹⁰ ближе к Данту, чем Вячеслав Иванов. Ему тогда тоже осточертели иносказания.

В «Новых книгах» объявлен выход «3 — 4» частей мемуаров Эренбурга с тиражем в сто тысяч. Думаю, однако, что тут будет поступлено так же, как с «Тарусскими стран[ицами]», т. е. выпустят тысяч тридцать и на этом остановятся⁹¹. Поди — проверь! А № 2 «Октября» тут в киосках еще нет. Вышел ли он?

Возвращаюсь к Кину. Чтобы понять природу таких людей, как он, было бы полезно попытаться понять и природу того, что может быть названо «обая-

⁸⁴ Маршак Самуил. Правдивая повесть. — «Правда», 1964, 30 января. Напечатано под рубрикой «На соискание Ленинской премии».

⁸⁵ Кин Виктор Павлович (настоящая фамилия Суровикин, 1903 — 1938?) — советский писатель, ставший известным после публикации романа «По ту сторону» (1928). Статью о нем АКГ напишет и опубликует в 1965 г. (Гладков А. Виктор Кин и его современники. — «Новый мир», 1965, № 11).

⁸⁶ Имеется в виду студент Института красной профессуры (ИКП) — специального высшего учебного заведения ЦК ВКП(б) для подготовки высших идеологических кадров партии и преподавателей общественных наук в вузах. В. Кин в 1928 — 1930 гг. учился в ИКП.

⁸⁷ Казакевич Эммануил Генрихович (1913 — 1962) — писатель.

⁸⁸ Коржавин (настоящая фамилия Мандель; род. 1925) — поэт, прозаик, переводчик и драматург (эмигрировал в 1974 г. в США).

⁸⁹ Ахмадулина Белла (Изабелла) Ахатовна (1937 — 2010) — поэт, переводчик.

⁹⁰ Брешко-Брешковский Николай Николаевич (1874 — 1943) — писатель, журналист, художественный критик.

⁹¹ Что до «Тарусских страниц», то там вообще весь тираж пустили под нож; сколько-то экземпляров удалось спасти, но это — библиографическая редкость (мнение А. А. Раскиной).

нием Сталина-вождя». Следы этого есть в книжке Ханина⁹². Я говорю не о позднейших бездумных стереотипах, не о крикливых восхвалениях, которыми в 35 — 36 гг. были полны статьи даже таких людей, как Бухарин и Радек — их неискренность очевидна, — а <об> искренних чувствах всех в нем ошибавшихся, от того, кто ласково называл его «чудесным грузином», до миллионов, искренне его любивших. <...>

15 фев. <...> Обдумываю и начал набрасывать статью о Кине. По левым словам ее нужно сдать к первому, и тогда она попадет в майский номер. Редакция «Н. мира» переезжает в дом сзади кинотеатра «Россия» на б. Страстном бульваре. Лева будет там снова сидеть месяц. <...>⁹³

Мне переслали из «Н. мира» письмо с восторгом по поводу моей статьи о Платонове. Какой-то Всеволод Шпринк⁹⁴.

Сегодня в «Известиях» в программе радиопередач на завтра есть передача о Мейерхольде (видимо, сокращенная на две трети).

17 фев. Передача все-таки была, но продолжалась 33 минуты вместо полутора часов. Зачем-то вставили длинный кусок с Бабановой из «Доходного места» и кусочек из статьи Маркова с каким-то лепетом о формализме. Мой текст хорошо читал Консовский⁹⁵. Все это все же пристойнее, чем можно было ожидать, но какая чудесная могла быть передача!..

Вечером были у Ольхиной с Меттерами (братом писателя Меттера⁹⁶) и Никритиной⁹⁷. Симпатичный, как говорит Нина, «невзначайчик».

(Продолжение следует.)

Михеев Михаил Юрьевич — филолог, литературовед. Родился в 1957 году в Берне, Швейцария. Окончил филологический факультете МГУ им. М. В. Ломоносова. Автор книг «В мир А. Платонова через его язык» (2003), «Дневник как эго-текст (Россия, XIX — XX)» (2007). В «Новом мире» публикуется впервые. Живет в Москве.

⁹² Возможно, имеется в виду Григорий Исаакович (Гирш Ицыкович) Ханин (род. 1937), полагавший, что Сталин в последние годы склонялся в сторону «демократических изменений» в стране.

⁹³ Тут повтор — о трех посещениях Дома искусств, хотя вообще у АКГ повторы довольно редки: все-таки дневник правился, перепечатывался.

⁹⁴ Видимо, Всеволод Шпринк, который более 20 лет провел в ГУЛАГе. Его фамилию называет в своих колымских воспоминаниях Варлам Шаламов. В рассказе о другом гулаговском узнике встречается такая фраза: «...отец известной киноактрисы, красавицы Ариадны Шенгелая, бельгиец Всеволод Шпринк, свободно владевший пятью языками и переводивший Сомерсета Моэма на русский» (Дополнение Дмитрия Нича).

⁹⁵ Консовский Алексей Анатольевич (1912 — 1991) — актер театра, известный также своими выступлениями в качестве чтеца на радио и телевидении, а также прекрасного тембра голосом, звучавшим за кадром многих картин.

⁹⁶ Меттер Израиль Моисеевич (1909 — 1996) — писатель, сценарист.

⁹⁷ Никритина Анна Борисовна (1900 — 1982) — актриса, сестра художника-авангардиста Соломона Никритина и жена писателя, поэта, драматурга Анатолия Мариенгофа.

SUMMARY

This issue publishes the first part of «the book of campaign» by Oleg Yermakov «Around the World», a novelette by Marianna Ionova «A Song», short stories by Ilya Odegov «A Stump», and also «An Unforgotten Poet» — a supplement to a novelette «Leningrad» by Igor Vishnevetsky. A poetry section of this issue is composed of new poems by Evgeny Rein, Elena Generozova, Dmitry Bykov, Maria Vatutina and Stanislav Minakov.

The sections offerings are following:

Heritage: a personal diary of dramatist Aleksander Gladkov for 1964.

Essais: «Dovlatov as a Cult» by Oleg Kudrin and also notes «In the Russian Style» by Sergei Borovikov.

Literature Critique: Evgeny Dobrenko in his article «Every Age is an Age of Iron» writes about Mikhail Zolotonosov's book «Gadyushnik» («A Vipers' Nest») dedicated to professional union of writers and their relationship during Soviet time in Leningrad.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Тексты, присланные на электронных носителях и по электронной почте, а также рукописи объемом более 12 авт. л. не рассматриваются.

Словесное сочетание «НОВЫЙ МИР» зарегистрировано ЗАО «Редакция журнала „Новый мир“» в качестве товарного знака по классам МКТУ 16, 38, 41, 42.

Общественный совет: Д. П. Бак, П. В. Басинский, А. Г. Битов, С. Г. Бочаров, А. Г. Волос, Д. А. Гранин, Б. П. Екимов, Ф. А. Искандер, Ю. М. Каграманов, А. А. Ким, Р. Т. Киреев, Ю. М. Кублановский, А. С. Кушнер, А. Н. Латынина, Б. Н. Любимов, А. М. Марченко, В. С. Непомнящий, И. Б. Роднянская, О. А. Славникова, М. О. Чудакова, О. Г. Чухонцев

Главный редактор А. В. Василевский

Первый заместитель главного редактора М. В. Бутов

Редакционная коллегия: М. С. Галина, В. А. Губайловский, С. П. Костырко, П. М. Крючков (зам. главного редактора), О. И. Новикова

Корректор — Н. И. Кузьменко

Компьютерная верстка — М. А. Каганова

Адрес редакции: 127994, ГСП-4, Москва, К-6, Малый Путинковский пер., д. 1/2.
Телефоны: главный редактор — (495) 650-57-02, заместитель главного редактора — (495) 650-91-81, отдел прозы — (495) 694-54-96, отдел поэзии — (495) 629-56-92, отдел критики — (495) 650-57-02, для справок, продажа журналов — (495) 694-08-29.

Электронная почта: nmir2007@list.ru

по вопросам зарубежной подписки: novi-mir@mtu-net.ru

Сетевой журнал «Новый мир»: <http://www.nm1925.ru>

Свидетельство Министерства Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций ПИ № 77-15286 от 28 апреля 2003 г.

Учредитель и издатель — ЗАО «Редакция журнала „Новый мир“».

Сдано в набор 25.11.2013 г. Подписано к печати 25.12.2013 г. Формат бумаги 70×108 1/16. Бумага кн.-журн. Офсетная печать. Объем 15,0 печ. л., 21,0 усл. печ. л., 27,0 уч.-изд. л.

Тираж 3800 экз. Зак. 262. Цена договорная.

Отпечатано в ОАО «Красная Звезда»,
123007, г. Москва, Хорошевское шоссе, 38
Тел.: (495) 941-28-62, (495) 941-34-72, (495) 941-31-62
<http://www.redstarph.ru> e-mail: kr_zvezda@mail.ru